

ВАЛЕНТИНА ПОВАЛЯЕВА

ПОСЛЕДНЕЕ
ЖЕЛАНИЕ

Валентина Поваляева
Последнее желание. Повесть

«Издательские решения»

Поваляева В.

Последнее желание. Повесть / В. Поваляева — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-852107-2

Библиотекарь Лариса Абрамова ведет спокойную, размеренную жизнь, пока соседка, Клавдия Уразова, не просит поменяться с ней квартирами. И после этого понеслось: Клавдия умирает, чуть погодя на тот свет отправляется ее сын Яков, а затем находят убитой жену Якова, Людмилу. Лариса оказывается причастной к тайне семейства Уразовых, а значит, и ей грозит смертельная опасность.

ISBN 978-5-44-852107-2

© Поваляева В.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	10
Глава 4	12
Глава 5	14
Глава 6	16
Глава 7	18
Глава 8	21
Глава 9	23
Глава 10	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Последнее желание Повесть

Валентина Поваляева

Дизайнер обложки Валентина Гредина

© Валентина Поваляева, 2017

© Валентина Гредина, дизайн обложки, 2017

ISBN 978-5-4485-2107-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Партизаны прятались за стволами деревьев, но я точно знала: они рядом и придут на помощь. Поэтому худой фриц, размахивающий перед моим носом автоматом, был не страшен. Я – отважная разведчица и плюю на опасности! Даже пусть враги схватили меня и угрожают расправой! Пусть я стою на снегу босая, пусть моя одежда – в клочья, а тело болит от побоев, меня не победить! Я не могу умереть!

– Красный партизан! – коверкая слова, процедил фашист, буравя меня противными маленькими глазками, а потом вдруг подскочил к ближайшему дереву и начал биться лбом.

Бум! Бум!! Бум!!!

– Открывай, етить тебя за ногу! – заорал он при этом на чистейшем русском языке.

Я проснулась.

В холодном поту. Ох, не надо было на ночь смотреть фильм про войну, не пришлось бы в плен попадать. Но почему так холодно ногам и ноет бок? Понятно: забыла закрыть форточку, а во сне сбросила с себя одеяло – вот и ознобилась. А бок... Кот, зараза, взял привычку спать на мне. При всем при этом Максик отъелся до восьми килограммов, и когда такая туша валится сверху, со всего размаха, на хозяйку, а потом начинает любовно топтаться, и до синяков недолго! Усатая бестолочь! Я спихнула кота и села, прогоняя остатки сна.

Бум!!! Бум!!!

– Ларка! Открывай! – доносился отчаянный крик бабы Клавы, соседки с пятого этажа. – Да дома ли ты?!

– Дома! – крикнула я и поспешила к входной двери.

Если баба Клава так надрывается с утра пораньше – а ходики показывают только пятый час, – значит, Яшка, ее сынок, отставной моряк, опять напился и сиганул с балкона. Знать, «скорую» вызывать нужно, а телефон в нашем подъезде только у меня.

– Звони скорее, – затараторила баба Клава, как только я открыла дверь, – Яшка снова упал. Все веревки у соседей оборвал, а теперь на акации сидит, слезть не может!

Я протянула ей трубку:

– Сами и звоните! Номер знаете: 01. Спасатели вмиг приедут.

– Ой, ты, лышенько, – запричитала старуха. – стыдно-то как! У всех матерей сыновья как сыновья, а у меня – корабельный инвалид! Ни профессии, ни денег! Сидит на моей шее...

– И время от времени на акации, – усмехнулась я.

Ни баба Клава, ни ее вечно пьяный сын сочувствия не вызывали. Во-первых, потому что Яшка был мужичонка противный, цеплялся ко всем жильцам дома, особенно когда мать на бутылку не давала. Во-вторых, с балкона прыгал он регулярно, только за последний месяц дважды пилотировал с пятого этажа вниз, причем без печальных последствий! Я бы на месте каскадеров изучила «Яшкин метод» и потом в кино демонстрировала. Ведь надо же умудриться: всякий раз, ныряя со своего балкона, он приземлялся на куст акации, росший в палисаднике, наверное, лет сто, а потому ставший тверже железа, но врачи «Скорой помощи», по большому счету, Яшке-парашютисту никогда не требовались – царапины, полученные при падении на колючий куст, от зеленки быстро заживали. Соседи наши, из квартир, расположенных под Яшкиной, с бабой Клавой были на ножах. Их нетрудно понять: всякий раз после благополучного приземления отставного боцмана бельевые веревки, которые хозяйки крепили на деревянных брусках у балконов, оставалось только выбрасывать. Разорванные посередине, они ни на что уже не годились.

Поэтому бабе Клаве удалось сохранить более-менее нормальные отношения только со мной, живущей на первом этаже. Одно время она усиленно сватала меня за своего сына, когда его год назад списали на берег и «наградили» группой инвалидности. Только я пусть

и хожу лет восемь в разведенках, вежливо отказала. Не в моем вкусе жених. Не люблю мужчин, от которых вечно пахнет винно-водочным перегаром.

Баба Клава не обиделась и продолжала забегать ко мне то за солью, то за спичками. Ну и, конечно, если надо позвонить. А заодно почесать языком, пожаловаться на тяжелую долю.

Вот и сейчас она, положив телефонную трубку, затащила свое:

– Лар, ты, это, одна тут человечная. Все кругом изверги! Помоги старухе!

– Что надо-то? Если вашего Яшу с акации снимать, так спасатели скоро приедут.

– Да нет, – отмахнулась просительница, – давай мы с тобой квартирами обменяемся. Ты в нашу, на пятый этаж переедешь, а мы с Яшенькой – в твою. Боюсь я за сына. Не ровен час, насмерть разобьется.

– Вы бы полечили Якова, – сказала я больше для поддержания разговора, прекрасно понимая, что ни к какому наркологу спившийся мужик не пойдет.

Это в старые времена можно было взять алкоголика под мышки и силком отвести в больницу, а нынче его согласие требуется!

Баба Клава грустно покивала:

– Да-да, обязательно, я его к знахарке знакомой свожу. Только ты, Ларочка, уж не откажи в просьбе. Войди в наше положение! Яша – хороший мальчик.

Я подавила улыбку. А соседка продолжала:

– Только ему тяжело без моря. Ты же знаешь, его списали на берег. Он, может, у меня герой. Он, когда на корабле начался пожар, двоих матросов из огня вынес! А сам не уберегся. Потом трое суток в коме пролежал, никто не думал, что он выживет! И водка эта... У Яшеньки страшные головные боли, а как выпьет – вроде полегчает немного. Но начинаются видения распроклятые! Думаешь, зачем он с балкона прыгает? Кажется ему, что снова на корабле. И за перилами балкона – море. Спасается он от кого-то...

Я посмотрела в окно. Трое бравых парней в оранжевых куртках пытались снять с акации орущего и отпинавающегося от них Яшку.

– Уроды, да я лучше на дно пойду, а вам не дамся! – орал отставной моряк.

– Ладно, баба Клава, уговорили, – вздохнула я, – только неудобно: у вас две комнаты, а у меня одна. Как же вы с сыном тут поместитесь?

Соседка замахала руками:

– Не переживай! Я долго на свете не заживусь, а Яшеньке и однокомнатной квартиры хватит. А пока... Кухня у тебя большая, прям как комната, можно и тахту поставить, и для столика место останется. Холодильник пусть в коридоре кукует...

Похоже, старуха заранее обдумала, что куда из мебели пристроит, если я соглашусь на обмен.

– Мне бы только на первый этаж перебраться. Здесь-то балконов нет!

Глава 2

Баба Клава оказалась провидицей. Она скончалась через три месяца после квартирного обмена. Правда, до этого старуха сводила-таки сына к знахарке. Та напоила Яшку какой-то дрянью, отчего мужик неделю ходил с лицом зеленоватого оттенка и злым на весь белый свет, но пьяным я моряка больше не видела. Не знаю, то ли снадобье превратило законченного алко-голика в трезвенника, то ли нечаянная любовь, которая вспыхнула в Якове с неистовой силой. Причиной тому стала дочка старой целительницы Людмила, дебелая девица цыганской наруж-ности. Надо заметить, она ответила взаимностью нашему парашютисту, и уже через месяц Яшка и Людмила расписались в ЗАГСе. А еще через месяц не стало бабы Клавы. Умирала она удовлетворенная: сын пить бросил, семью создал, значит, не останется неприкаянной сиротой.

Яшка схоронил мать, а через месяц и сам за ней следом на погост отправился.

– Цыганка чертова нашего моряка отравила, – шептались соседки. – Нужен ей припадоч-ный инвалид, как же! Да у Людки полюбовник имеется! И за Яшку она замуж пошла только из-за квартиры.

От местных сплетниц я отмахивалась. Вот уж глупости! Из-за однокомнатной халупы убивать человека? Тем более, я слышала от знакомого терапевта, что Яков скончался от двусто-ронней пневмонии. Сначала была вроде обычная простуда, из-за которой не каждый и в поли-клинику побегит. А на третий день мужик слег с высокой температурой. Людмила мужа отва-рами отпаивала, да толку – чуть! На четвертый день Яшкина жена прибежала ко мне:

– Зовет тебя! Говорит, что должен сказать что-то очень важное...

– Зачем? – удивилась я.

С Яшкой мы не притягивались, при редких встречах обменивались ничего не знача-щими «привет» и «пока». И тут – на тебе! – он собрался исповедаться?! Людмила смотрела с такой надеждой, что отказать я не посмела.

Больной метался в постели, но, увидев меня, затих. Я приблизилась к кровати и выжи-дательно уставилась на сына бабы Клавы.

– Выйди! – велел Яшка супруге.

Та молча подчинилась и скрылась в дверях кухни. Моряк больно схватил меня за руку, притянул к себе и зашептал:

– Мать всегда тебя доброй считала и мне наказывала: «Если что случится, помощи проси у Ларисы. Она не откажет!» Вот... я и прошу...

Запястье жутко ныло. Яшка хоть и больной и слабый, а пальцы – как железные! Я попы-талась освободиться, но он вцепился намертво:

– Будь начеку, враг близко. Мы не сдадимся! Придет виктория! Но ни в коем случае нельзя отдавать порт...

Яшка тяжело вздохнул и в изнеможении откинулся на подушки. На лбу и висках блестели капельки пота. Глаза закатились.

– Люда! – испуганно крикнула я.

Женщина моментально вбежала в комнату, бестолково захлопотала, пытаясь привести мужа в чувство.

– Ты бы «скорую» вызвала, – посоветовала я, – а то, не дай бог, умрет!

Людмила послушно затрясла головой, кинулась к телефонному аппарату, стоящему в коридоре на столике.

– Пойду, – вместо слов прощания сказала я.

Но Яшкина супруга загордила богатырской грудью выход:

– Что он тебе сказал? Что?

– Да ничего, – ответила я, – бред у Яши! Самый настоящий! Воюет он! И меня с собой на войну позвал. Какую-то военно-морскую базу от вражеских захватчиков охранять. Я, конечно, патриот своей отчизны, но немедленно звони «ноль три»!

На пятый день Яшка умер. В больнице. И местные кумушки всласть почесали языками, обвиняя Людмилу в убийстве мужа.

– Отравила! Недаром с травмами с детства знается!

Тетки явно преувеличивали степень вины веселой вдовушки. В том, что Людмила нисколько не горевала по поводу смерти супруга, я и сама вскоре убедилась. Через неделю после похорон Якова к дому подкатило шикарное авто, и из него выплыла разряженная цыганка. И не одна, а с кавалером – высоким черноволосым субъектом с характерным южным носом. Я в тот момент как раз выходила из подъезда и прекрасно рассмотрела полыхавшую от объятий Яшкину вдову и ее статного ухажера.

– Здрасти, – бурно вздыхая, поприветствовала меня Людмила.

А когда я, кивнув, прошла мимо, цыганка, нисколько меня не стесняясь, громогласно объяснила поклоннику:

– Соседка моя, с пятого этажа. Это с ней бабка квартирой махнулась.

Я почувствовала, как спину буравит заинтересованный взгляд Людмилиного спутника. Но не обернулась. Потому что помимо мужиков, от которых вечно несет перегаром, ненавижу южных красавцев. Наверное, у меня просто слишком вялый для них темперамент.

Глава 3

Яшка-моряк умер в апреле. А в середине июля Людмила собрала чемодан и уехала в неизвестном направлении. Бегство вдовы добавило сплетен.

– Видать, с любовником умотала, – предполагала соседка со второго этажа, пенсионерка Римма Ивановна, намекая на «южного-носатого».

– Да нет, от правосудия мужнина убийца скрывается! Ведь отравила Яшку, это всем известно! Я вот написала куда следует, чтобы приняли меры! И участковому про Людку все до капельки рассказала, – яростно сверкала толстыми стеклами очков в роговой оправе местный борец за справедливость коммунистка Петровна из двадцать пятой квартиры.

– Девочки, да вы чего! – возмущалась баба Лиза с четвертого этажа. – В монастырь она подалась, грехи тяжкие замаливать!

«Девочки» не соглашались и выдвигали новые версии Людмилиного исчезновения.

Дом наш старый, постройки пятидесятых годов, поэтому сейчас в пятиэтажке живут сплошь пенсионеры. Более полвека назад они стали счастливыми получателями ордеров, когда местный химзавод, нуждаясь в рабочей силе, приезжим специалистам давал квартиры вне очереди. Елизавета Васильевна, или баба Лиза, как все ее зовут, вкалывала в цехе. Ольга Петровна была парторгом предприятия, а Римма Ивановна и покойная баба Клава работали в заводской лаборатории. Моя бабушка тоже некогда получила от завода квартиру в этом доме. А потом по завещанию жилплощадь отошла ее внучке, то есть мне. Так я и оказалась в «пенсионном фонде».

Я люблю милых старух. Такие они неравнодушные, деятельные, что порой даже завидно. Мне бы их бодрость духа и фантазию! Вот я бы ни за что не подумала, что Яшкина вдова – раскаявшаяся отравительница! А тут прямо бразильский сериал получается!

– А ты как считаешь, Ларочка, – обратилась ко мне баба Лиза, подкараулив у подъезда на следующий день после Людмилиного побега, когда я возвращалась из магазина, – куда Людка смылась?

Я пожала плечами:

– Уехала и уехала. Она человек вольный. Мне какое до нее дело?

– И зря! – старуха сердито дернула носом. – Ох, молодежь! Ничего-то вас не интересует! Живете каждый в своей конуре и не знаете, что в мире делается.

Я сделала вид, что мне очень стыдно, и поспешила домой. Ведь помимо лентяя Максика со вчерашнего дня у меня появился еще питомец – золотая рыбка, и я боялась, что кот в мое отсутствие начнет на нее охоту. А подарила рыбку вместе с аквариумом Людмила. Перед отъездом.

– Не поминай лихом, – сказала Яшкина вдова, – уезжаю. Зря я на маменькины уговоры поддалась, вышла замуж за нелюбимого человека, позарилась на большие деньги. Не принесло это счастья ни мне, ни ему. Да и богатства я тоже не увидела. – Женщина горько рассмеялась: – Клавдия моей матери призналась, что ее сын клад нашел. Спрятал сокровища и чахнет над ними, как Кощей. Захотелось и нам сытой жизни. Охмурила дурака, долго ли, умеючи! Только сокровища эти, видно, в воспаленном Яшкином сознании и были. Задурил голову всем, проклятуций! А умер... Что мне досталось? Однокомнатная конура с крысами под полом? На вот, Яшкин аквариум. Мне эта рыбина без надобности, потому что хоть и золотая, а желания все равно не исполнит. Знаешь, как этот придурок рыбку называл? Виктория! И разговаривал с ней, как с человеком! Одним словом, чокнутый!

Цыганка сунула мне в руки круглый аквариум и сердито затопала вниз по лестнице. Потом вдруг вернулась, словно что-то забыла. Неловко обняла меня, как близкую подругу, и вложила в карман моего халата маленький тряпичный мешочек.

– Там чай, – объяснила она, – для настроения. Будет грустно: завари, пей и радуйся, меня вспоминая.

Мешочек с чаем я засунула на верхнюю полку кухонного шкафчика, а аквариум поставила на прикроватную тумбочку.

Нет, надо рыбку отнести на работу, не то сожрет ее кот! А в библиотеке, в читальном зале, где я тружусь вот уже пятый год, хищников, слава богу, не водится.

Глава 4

Библиотека открывается в полдень, а сотрудники должны приходить не позднее десяти утра. Такое правило ввела наша заведующая Вера Степановна, жутко серьезная седовласая дама, очень напоминающая школьного директора и по стилю одежды, и по взглядам на жизнь. Я рядом с ней всегда чувствую себя ученицей. И это в мои-то тридцать шесть! Представляю, каково второму библиотекарю Оленьке Зубовой, вчерашней студентке.

Сколько лет заведующей, не знает никто. Помню, когда я еще девчонкой забегала в эту библиотеку за книжкой, уважаемая Вера Степановна уже тогда была на пенсии, но продолжала трудиться на благо просвещения общества, поскольку других интересов у нее, бессемейной и бездетной, не имелось.

Когда я ввалилась в читальный зал в обнимку с пузатым аквариумом, в котором испуганно бултыхалась золотая рыбка, Вера Степановна приподняла аккуратно выщипанные и подкрашенные косметическим карандашом бровки и одобительно сказала:

– Молодец, Абрамова! Вижу, недавний разговор о том, что в работу надо вкладывать душу, пошел вам на пользу. Решили создать в читальном зале атмосферу уюта? И то верно, релаксация – самый верный способ снять стресс. Посетителям будет приятно смотреть на рыбок.

Я пробурчала что-то вместо приветствия и поставила неудобную ношу на письменный стол, рядом с бюстом Достоевского.

Тут же подскочила Оленька, пощелкала по аквариумной стенке наманикюренным ноготком, назвала рыбку «милашкой» и сообщила, что у нее есть знакомый, который специализируется на аквариумном дизайне.

– А то у нашего золотца кроме пары захудалых раковин и нет ничего! – сокрушалась Зубова.

– Рыбку зовут Викторией, – заявила я.

– Тем более, ей нужен приличный грот, и растения, и декорации. Вы послушайте: поставим на дно аквариума керамический сундучок с сокровищами, а можно и череп с костями рядом положить. Я видела, в зоомагазинах каких только примочек для аквариумного дизайнера нет! Я Славе скажу, он все сделает, как надо!

И Оленька позвонила приятелю. Слава оказался таким же неистовым, тут же примчался в библиотеку, критично осмотрел аквариумный шар и пообещал уже к вечеру переселить хвостатую Викторию в другую емкость. Аквариумист заявил, что круглая «банка» для золотой рыбки – как тюрьма:

– Есть такая теория, что рыбы, плавая, излучают вибрацию и принимают отраженные сигналы боковой линией, по типу эхолота, – объяснил Владислав. – А в круглом аквариуме возникает эффект линзы. Получается, рыбки постоянно испытывают стресс, это снижает иммунитет и сокращает продолжительность жизни. Вы же не хотите зла своей любимице? Кроме того, золотая рыбка – крупное создание, подрастет еще немного, и здесь ей будет тесно.

– Все-все, убедил, – замахала на него руками Оленька, – довольно лекций! Делай так, как считаешь нужным, а нам пора сеять разумное, доброе, вечное. Видишь, школяры у дверей толпятся? У нас сегодня час профориентации.

Время от времени в библиотеке городская служба занятости проводит встречи с учащимися. Приглашаются представители разных профессий, и каждый пытается доказать подросткам, почему его специальность самая-самая. Летом в клуб под оптимистичным названием «Все работы хороши!» сгоняют ребятишек, отдыхающих в дневных лагерях при дворовых клубах.

Когда мальчишки и девчонки с шумом расселись за столами в читальном зале, ко мне подошел невысокий коренастый мужчина лет сорока, одетый в джинсы и футболку.

– Капитан Колесников, – представился он. – Мне сказали, я должен выступить перед школьниками.

– Вас как зовут? – взяла инициативу в свои руки Вера Степановна.

Тот взглянул на заведующую, моментально оценил ее «директорский сан» и, заикаясь, выдавил:

– М... Максим. Андреевич.

– Максим, очень приятно, – обнажила зубные протезы наша руководительница. – Вы где работаете? В полиции? Чудненько! Вот и поговорите с учениками о том, что закон нарушать нельзя, что даже мелкое правонарушение может стать первым шагом к серьезному наказанию. Приведите примеры из практики. Такие... – она прищелкнула пальцами, – красноречивые! Ведь у вас есть примеры? – строго спросила Вера Степановна, глядя на капитана, как на нашкодившего мальчишку.

Колесников закашлялся.

– Есть, конечно. Но видите ли, я из убойного отдела...

– Прекрасно, – воодушевилась заведующая. – Расскажите о погонях и перестрелках. Но главный акцент – на том, что каждый человек должен быть законопослушным гражданином.

И Вера Степановна величаво удалилась в свой кабинет.

Максим Андреевич вынул из кармана джинсов платок и вытер вспотевший лоб.

– Не переживайте, – сказала я, – просто отвечайте на вопросы ребят. Вы справитесь!

Колесников благодарно на меня посмотрел и кивнул.

К вящему неудовольствию Веры Степановны профилактической лекции не получилось. Потому что первый же вопрос, заданный вертлявым и лопаухим мальчуганом, сидевшим за первым столом, был посвящен служебным командировкам в горячие точки.

Оказалось, капитан Колесников неоднократно выезжал на Северный Кавказ и в Чечню.

– Страшно было? – не унимался тот же интервьюер.

Максим Андреевич посмотрел в глаза мальчишке:

– Страшно. Особенно в последние дни перед возвращением домой...

Сыпались все новые и новые вопросы, а Колесников, присев на краешке стола, отвечал, стараясь говорить просто и доступно. В итоге вместо отведенного часа встреча продолжалась два. Когда ребятня, гомоня, высыпала на улицу, красный от волнения опер выдул стакан предложенной мной минералки и рассмеялся:

– Никогда не думал, что это так сложно – «просто отвечать на вопросы».

– Хотите еще водички? – улыбнулась я.

И тут явилась грозная заведующая.

– Я же вас просила уделить больше внимания профилактике преступлений среди подростков, – сухо заметила она. – А вы почти два часа рассказывали о службе на Кавказе, об обычаях местных жителей да о своих сослуживцах!

– Какой вопрос – такой ответ, – развел руками Колесников.

– Вам нужно было раскрыть положительный образ сотрудника полиции, используя примеры из практики вашего отдела, и, может быть, показать детишкам какие-нибудь фотографии, – не унималась Вера Степановна. – Неужели так трудно вспомнить, что вы делали вчера?

– Почему? Прекрасно помню, – капитан уперся жестким взглядом в переносицу «директрисы». – Труп с перерезанным горлом из подвала доставал. Хотите снимки посмотреть?

Глава 5

Остаток дня прошел в обычном режиме. Оля выдавала книги по абонементу. Я сучала в читальном зале. Вера Степановна злилась у себя в кабинете. К закрытию приехал Слава и привез огромный прямоугольный аквариум. Новое жилище рыбки Виктории оказалось настолько большим, что пришлось для емкости выделить письменный стол целиком, причем поставить в том месте, на какое указал аквариумист.

– Золотых рыбок называют поросятами, – сказал Владислав, – они много кушают и много... это... какают. Поэтому им нужен простор. А за аквариумом буду я сам следить, вы все равно не сумеете, как надо. У вас, я так понимаю, рыбок никогда не было?

– Не было, – согласилась я.

А Оленька лукаво сощурила глазки и чмокнула приятеля в щеку:

– Конечно, будешь за нашим золотком ухаживать самолично. Ведь это отличный повод повидать меня!

Слава покраснел и ретировался на улицу.

– Ну и зачем ты над парнем издеваешься? – спросила я. – У него на лбу написано, что любит тебя безмерно, а ты подшучиваешь.

– Слава – душка, – промурлыкала Зубова, поправляя макияж, – только нерешительный – жуть! Год знакомы, а он неделю назад мне впервые руку поцеловал! Дождется: замуж за другого выйду!

– А что, есть еще кандидаты?

– А как же! – Оленька накрасила губы ярко-красной, я бы сказала, вампирской помадой и с удовлетворением оглядела себя в зеркале. – Пара-тройка воздыхателей имеется. Да и капитан нынешний тоже мне всю дорогу глазки строил, знать, обязательно на свидание напросится!

Я подивилась самоуверенности коллеги. Ольга же, взглянув в окно, хмыкнула:

– Ну, что я говорила?!

У крыльца топтался Колесников.

Зубова заторопилась, поправила локоны, отрепетировала пару улыбок и направилась к выходу. Однако капитан вежливо кивнул девушке и только.

А когда из библиотеки показалась я, он обрадованно двинулся мне навстречу:

– Здравствуйте, Лариса! Вы не будете против, если я вас провожу?

Оля вытаращила глазки, обиженно вздернула подбородок и зацокала каблучками к автобусной остановке. По ее мнению, я – «лежалый товар», на который могут тратить время либо слепые, либо помешанные.

– Не против, – я развеселилась: приятно утереть нос кичливой красавице.

И мы медленно пошли по улице.

– Вы мне очень понравились, Лариса, – сказал Колесников, беря меня под локоток, – и будет здорово, если наше знакомство продолжится.

Медведь! Где его учили политесу!

Я аккуратно освободилась и заявила, почти с ненавистью глядя на обручальное кольцо на безымянном пальце его правой руки:

– Вы мне тоже симпатичны. Но я не встречаюсь с женатыми мужчинами. У меня на них, извините, иммунитет.

– Я разведен, – тут же сообщил мой спутник. – Уже лет пять.

Врет!

Перехватив взгляд, Колесников усмехнулся:

– Это все, что осталось от семейной идиллии.

Странный субъект! Если в разводе, то зачем ходить в обручалке?

– Могу я хотя бы угостить кофе понравившуюся мне женщину? – не унимался Максим. Я подумала немного и согласилась.

После кафе капитан проводил меня до подъезда и откланялся, не претендуя на визит в гости.

Я вошла в квартиру, нащупала на стене выключатель, а когда зажегся свет, вскрикнула от ужаса: в моем уютном гнездышке словно Мамай побывал, причем со всем войском. Линолеум в коридоре вздыбился волной, словно кто-то в ярости пытался содрать его с пола. В кухне неизвестный вытряхнул на пол все крупы, а в гостиной вспорол обивку дивана. Гардероб обиженно сверкал голыми полками, в то время как вещи были разбросаны по всей комнате. Не краше выглядела спальня. Вандалы выпотрошили подушки и разломали прикроватную тумбочку.

– Максик!

Мой кот! В квартиру влезли грабители! Как же он, бедняга, напугался! Макс – домашний кот, из тех любимцев, которые квартиру покидают только в переноске и только для визита в ветеринарную клинику. Целый день он проводит на диване, изредка развлекаясь, сидя на подоконнике и глядя в окно. На этом знакомство с большим миром заканчивается. Открытые окна и форточки его не интересуют. Макс не любит гостей и старается спрятаться подальше, если ко мне кто-то приходит. Представляю, какой ужас он пережил, когда по дому стали шнырять чужаки! Неужели от страха все-таки сиганул в открытую форточку?!

– Мя-а-у-у!

Пушистый шар выкатился из-под разоренной кровати и вспрыгнул на колени.

– Живой!

Кот таращил глаза и пытался боднуть меня головой в подбородок. А я, обняв его, заплакала.

Глава 6

Я всплакнула, а потом умылась и принялась за уборку. Никакую полицию вызывать не стала. Зачем? Все равно вандалов не найдут, только зря потрачу время и нервы.

Чтобы привести квартиру в более или менее приличный вид, я провозилась полночи. Потом вышвырнула объемистые полиэтиленовые мешки с остатками подушек и крупным кошмаром на балкон – в столь поздний час я ни за что не отважусь выйти на улицу к мусорным бачкам, которые установлены очень неудобно, за вереницей гаражей. Место крайне неприятное даже днем, потому что здесь вечно собираются бомжи и прочие не внушающие доверия граждане.

Максик бессовестно дрых на разодранном диване и, похоже, видел десятый сон. Я тоже рухнула в постель, сунув под голову, за неимением подушки, свернутую куртку, и устало смежила веки.

Сон пришел моментально. И какой! Меня снова позвали партизаны! Только теперь наша боевая компания носилась не по лесам и болотам, а по каким-то катакомбам. Причем в каждом углу натыкались на труп с перерезанным горлом. И еще – это самое жуткое – убитый почему-то был вылитый Яшка-моряк. Он смотрел на меня выпученными мертвыми глазами, словно что-то хотел сказать. И вдруг из мрака туннеля вышла Людмила. С распущенными черными волосами, на плечах – цветастый платок. Она держала круглый аквариум с золотой рыбкой. «Смотри, не потеряй мой клад!» – проговорила Яшкина вдова и грохнула стеклянный шар о бетонный пол. Брызги разлетелись в разные стороны, попали мне на руки, обожгли кожу острой пылью. «С ума сошла», – хотела я крикнуть.

И проснулась. В окно било солнечное утро, а по мне усердно топтался проголодавшийся Максик, бессовестно трогая когтистой лапой мою обнаженную руку.

– Уйди, зверюга, – простонала я.

Но кот и не думал подчиниться. Он укоризненно мяргнул и с большим рвением продолжил «иглотерапию».

Пришлось подниматься, кормить усатое чудовище консервами (слава богу, воры на них не позарились) и снова приниматься за уборку. Что греха таить – ночью я не слишком аккуратничала.

На работу мне идти не надо было – наступил законный выходной. Я вымыла пол и, забрав с балкона пакеты с мусором, потащила их к бачкам. А когда возвращалась, у подъезда встретила Петровну. Старушка каждое утро совершала пробежку вокруг дома.

– Лара, – окликнула она, – ты сегодня выходная? Я сейчас еще кружок сделаю и к тебе поднимусь, мне нужно, чтобы ты под заявлением расписалась. Наш дом решил оборудовать детскую площадку во дворе, деньги я нашла наконец-то, спасибо, есть на свете хорошие люди!

– Заходите, конечно, – ответила я, в очередной раз подивившись энтузиазму нашей коммунистки.

Петровна и на пенсии по-прежнему чувствовала себя партийным вожакom и опекала вверенный ей коллектив (в смысле, жильцов дома) как могла. Так, благодаря ее стараниям в нашей пятиэтажке всегда вовремя проводился косметический ремонт. У подъезда сгнившие от времени лавочки заменили, а под окнами разбили вполне приличные клумбы. Старухе не лень ходить по инстанциям, убеждать и требовать. В конце концов она добивается своего. Только в одном желании ей отказывали.

В нашем дворе некогда была детская площадка. Но с годами качели-карусели изнашивались, а обновлять оборудование никто не собирался. В муниципалитете, куда Петровна каждый день ходила как на работу, устали объяснять: на сверхпроекты (а наши жильцы мечтали о настоящем игровом городке) денег нет. В конце концов, удалось договориться, чтобы заме-

нили хотя бы качели и в рассохшуюся песочницу привезли песка на радость местным карапузам. Однако, идея строительства грандиозной детской площадки, минимальная стоимость которой около семисот тысяч рублей, по-прежнему не дает покоя нашим старикам, поэтому Петровна примерно раз в месяц пишет заявление от имени жильцов дома и планомерно обходит с ним квартиры, собирая подписи. А потом начинает охоту на спонсоров. И, кажется, сейчас наша активистка дождала какого-то податливого мецената. Молодец, бабуся!

Мысленно аплодируя Петровне, я поднялась к себе в квартиру и растянулась на продранном диване. Максик тут же вспрыгнул мне на грудь, замурлыкал, усыпляя.

Раздался звонок в дверь, и я в который раз восхитилась прытью престарелой соседки: ведь только-только во дворе виделись, а она уже тут как тут!

Но когда я открыла, на пороге стоял недавний кавалер Людмилы. Тот самый, носатый и чернявый.

– Вам кого? – на автопилоте спросила я, отступив вглубь коридора. Сама не знаю, чего я вдруг испугалась.

– Вас, – любезно промолвил гость с юга и двинулся ко мне. – Наша общая знакомая, Людмила, просила передать для меня посылочку.

– Вы ошибаетесь, – возразила я, пятясь до тех пор, пока спина не коснулась стены, – Люда ничего у меня не оставляла. Вы, вероятно, что-то перепутали.

– Ой ли? Лучше отдай чужую вещь, не надо обманывать, – и носатый, с явно нехорошими намерениями, протянул к моей шее руку. – Решила чужие денежки прикарманить, сучка?

Я почувствовала: еще немного, и от ужаса я потеряю сознание.

– Ларка, чего не закрываешься! Не ровен час бандюган какой явится, знаешь, сколько их в последнее время развелось, – с этими словами в дверном проеме появилась Петровна, по-прежнему в спортивном костюме, но уже с хозяйственной сумкой.

Людкин ухажер обернулся, да поздно. Увидев мое бледное, перекошенное лицо и незнакомого мужчину, старуха, вмиг оценив обстановку, без лишних слов огрела носатого сумкой. Тот кулем повалился на пол.

– Говорила же, кругом одни воры и насильники, – подытожила Петровна. – И хорошо, что я всегда с собой кирпич ношу. На всякий случай.

Глава 7

Меня охватила паника. Перепрыгнув через тело поверженного врага, я пулей вылетела из квартиры и быстрее лани понеслась вниз по лестнице, перескакивая через три, а то и пять ступеней.

– Стой, Лара! – кричала вслед Петровна. – Заявление-то подпиши! Да куда ты?

Надо же, и в такие минуты наша верная долгу парторг думала прежде всего о работе!

Выбежав на улицу, я в изнеможении рухнула на лавку. Сердце бешено билось где-то у гор-тани, было трудно дышать, на глазах выступили слезы. Мало того, что на меня напал бандит, так теперь еще в моей квартире образовался труп! Нет, спасибо, конечно, Ольге Петровне, но сейчас-то как быть?!

– Экая ты скорая, – из подъезда вышла спокойная, как тысяча буддийских монахов, спасительница.

По-прежнему с хозяйственной сумкой, в которой она начала тут же рыться. Наконец, Петровна выудила черную кожаную папку и из нее достала лист бумаги:

– Подпиши заявление. Зря, что ли, я за тобой гналась?

В полной прострации я автоматически черкнула свою фамилию.

– Вот и ладно, – улыбнулась соседка. – Лара, ну-ка, приди в себя! Прямо кисейная барышня! Размякла на своей работе, книжечки перебирая.

– Ольга Петровна, – выпала я из ступора, – вы же, кажется, его убили!

– Да брось ты, – активистка защелкнула замок сумки, – так, оглушила чуток. Будет знать, как к честным людям в квартиру врываться. Ты вот что: шуруй за Платонычем. Я, когда с пробежки возвращалась, его видела, как раз к Таньке из первого подъезда направлялся. А мне с тобой недосуг болтать, я еще в третьем подъезде подписи не собрала.

Николай Платонович – наш участковый. Он живет в соседнем доме и частенько захаживает к Татьяне Некрасовой, которую упомянула Петровна. Старухи во дворе болтают, что у Тани и Николая в молодости был роман. Только робкий Коля не смог вовремя признаться девушке в любви, а когда ушел в армию, его ненаглядная выскочила замуж за более успешного поклонника. Только брак оказался неудачным. Муж Татьяны пил, дебоширил, гонял ее с маленьким ребенком. Почему она терпела все эти издевательства – не понимаю. А может, надеялась до последнего, что супруг исправится? Вот уж глупость!

Тем временем Николай вернулся домой, поступил на службу в милицию и вскоре был назначен участковым уполномоченным в нашем районе. И когда Татьяна, которой уже белый свет стал не мил, впервые решила пожаловаться на мужа-тирана и принесла жалобу в милицию, ее заявление попало в руки отставного возлюбленного. Николай Платонович побывал дома у буйного пьяницы, провел разъяснительную беседу, а взглянув в печальные глаза Татьяны, на тот момент красовавшейся с фингалом на пол-лица, пропал. Платоныч, наверное, сам не мог разобраться: то ли его захлестнула безмерная жалость к женщине, которая когда-то, много лет назад, подарила ему первый в жизни поцелуй, то ли правда, любовь к Татьяне никуда не уходила, а просто ждала своего часа.

Через год после этой судьбоносной встречи Татьяна с мужем развелась, а Николай стал захаживать в гости. И всякий во дворе знает: если Платоныча нет в кабинете, то найти его можно в квартире номер шесть в первом подъезде нашего дома. У Татьяны.

Я слотнула разок-другой, чтобы успокоиться, и отправилась за участковым.

В подъезде витал аромат свежеспеченных оладий, а когда Некрасова отворила, сразу стало понятно, что источник запаха – тут, на ее кухне.

Татьяна выжидательно на меня посмотрела, и я без предисловий бухнула:

– У меня в квартире покойник.

Подружка Платоныча переменялась в лице и гаркнула не хуже иерихонской трубы:
– Коля!

Тут же из кухни выглянул участковый. Над верхней его губой протянулись сметанные усы, видать, оладушками лакомился.

– У меня в квартире труп, – повторила я срывающимся голосом.

Надо отдать должное Николаю Платоновичу, он тут же впрыгнул в ботинки, схватил фуражку и резво отправился на место происшествия. Вот только «усы» забыл вытереть. Я посеменила за ним.

Дверь моей квартиры была нараспашку. Участковый вошел в прихожую, обозрел пустой пол, заглянул на всякий случай в гостиную, спальню и на кухню, а потом повернулся ко мне:

– Где тело?

Я поморгала. Видно, права была Петровна и носатый, придя в себя после удара, постарался поскорее смыться.

– Ушло.

Платоныч вздохнул:

– Знаешь, Лариса, бесконечное чтение детективов до добра не доводит. Сейчас тебе покойники чуются, потом начнется мания преследования, а там и до психушки недалеко. А что дверь не закрываешь – это очень плохо! Войдет нехороший человек и украдет что-нибудь ценное. Паспорт, например, и оформит на тебя миллионный кредит. Будешь потом плакать!

Я пристыженно согласилась, да, нужно быть осмотрительной и серьезной. Проводив участкового, я закрылась на ключ и села прямо на пол в коридоре.

Носатый требовал от меня какую-то вещь, которую мне якобы оставили. А если учесть, что кроме Людмилы, Яшкиной вдовы, ко мне никто в последнее время не заходил, то, логически рассуждая, можно прийти к выводу, что темпераментный южанин хотел забрать нечто, ранее принадлежащее цыганке... Или ее покойному мужу! Что?! Аквариум? Но он такой маленький и прозрачный. В нем ничего не спрячешь. Постойте! Слава, приятель Оли, говорил, что в тесном стеклянном шаре рыбке неудобно. Яков, судя по всему, трепетно относился к золотой питомице. Значит, в квартире моряка был другой, большой аквариум? А в круглый Людмила запустила рыбку перед тем, как подарить мне. Ну не поднять женщине здоровенную дуру на пятьдесят литров!

Я потеряла лоб. Кажется, когда я навещала заболевшего Яшу, в комнате у стены, рядом с книжным шкафом стоял аквариум. Или его там не было?!

Это можно было проверить, только наведавшись в квартиру моряка. И я решилась.

Когда мы с бабой Клавой провели обмен, старуха поленилась врезать новый замок и просто-напросто забрала у меня ключ. Я отдала тот, которым обычно пользовалась, совершенно забыв, что давным-давно запасной на всякий случай я спрятала в верхний ящик бабушкиного комода, оставшегося мне по наследству вместе с однушкой. И вот теперь захоронка пригодилась.

Спустившись на первый этаж, я, воровато оглянувшись по сторонам как заправский домушник, вставила ключ в замочную скважину и повернула. Щелкнул замок. Я толкнула дверь. В нос ударил резкий сладковатый аромат Людмилиных духов – Яшкина жена предпочитала вызывающие, ядреные ароматы. Странно, что запах до сих пор не выветрился. Я вошла внутрь и закрыла дверь.

Квартира не казалась брошенной. Напротив, она выглядела так, словно хозяева отлучились максимум на часок. На вешалке в коридоре висел плащ Людмилы, а рядом – мужская куртка. Странная женщина! Почему она не убрала вещи умершего супруга? Или... это не Яшина ветровка? Тогда чья? Носатого бандита? Помнится, он частенько бывал в гостях у вдовушки.

Я шагнула в комнату. Что ж, память не подвела: возле книжного шкафа стоял журнальный столик, на котором когда-то возвышался большой прямоугольный аквариум. Только сейчас от домика золотой Виктории остались руины, в которых среди россыпи разноцветной гальки и раковин лежали мертвые водоросли. Дно аквариума практически не пострадало, а вот стенки, превратившись в стеклянное крошево, щедро осыпали края столика и ковер на полу, запутавшись в густом ворсе. Такое ощущение, что кто-то со всей дури запустил в хрупкую конструкцию камнем, а может, и чем другим. Например, вот та роскошная, похоже, бронзовая статуэтка вполне подошла бы для этой цели.

Осмотрев место разгрома, я убедилась: если некая тайная вещица и хранилась некогда в аквариуме, то теперь ее там нет. И скорее всего не носатый ее украл, иначе стал бы он ломиться в мою квартиру?

Глава 8

Вернувшись домой, я налила остывшего чая, положила в плошку варенья и, черпая ложкой засахаренную вишню, стала раздумывать.

Судя по всему, клад, о котором упоминала Людмила, был. Вернее, есть. И надежно спрятан. Если вор, устроивший обыск в моей квартире, Яшкин тайник не нашел, если на первом этаже захоронки тоже нет, то скорее всего моряк припрятал сокровище где-то вне дома. Но где? Уж не в банковской ли ячейке лежит себе полеживает...

А что, собственно? Если в последнюю нашу встречу Яшка не бредил, то он определенно пытался назвать вещь, которую надо беречь как зеницу ока. Как он говорил? «Придет Виктория...» Ну, положим, Виктория не пришла, ее принесли в стеклянной банке. Дальше... «Не отдать порт...» А если у моряка просто не хватило сил выговорить слово целиком? Порт... Какие слова могут начинаться с этого слога? Портъе! Нет, не годится. Портвейн! Тоже маловероятно. Если бы у Яшки оказался портвейн, то осталась бы от него одна бутылка! Порт... Порт... Портки!

Тьфу ты, зараза! От огорчения я так взмахнула ложкой, что на футболку попали густые красные капли. Кое-как размазав варенье бумажной салфеткой, я принялась гадать дальше. «Порт» может быть началом слов «портмоне», «портрет» и «портфолио». Ну, насчет последнего – сразу нет! Сомневаюсь, что моряк вообще знал, что это такое! Портрет лучше повесить на стену, а портмоне сунуть в карман...

Ну, и загадку задал мне покойник!

Схватив орфографический словарь, я начала читать все слова, начинающиеся с ненавистного таинственного слога: «портянка, португепя, портсигар...» А вот это уже похоже на правду! Портсигар! Я как-то заходила в антикварный магазин и видела, сколько стоят отдельные экспонаты. Помнится, был там один образец, серебряный, с позолотой, за который хотели ни много ни мало – 400 тысяч! Дескать, уникальная вещица, до революции принадлежала какому-то графу или князю. А если в Яшкином тайнике подобная «безделица»? Да и прятать плоскую коробочку легко. Хоть под половицу или еще куда. В том, что Яшка использовал банковскую ячейку, я сильно сомневалась. Значит, клад где-то рядом.

Стоп! А на балконе, между прочим, стоит деревянный ящик для картошки, оставшийся от прежних хозяев и который мне без надобности. А если в нем имеется двойное дно? Я бросилась на балкон, моментально опрокинула ящик и принялась простукивать стенки. В поисках кнопки, открывающей тайник, нажимала на все возможные шляпки ржавых гвоздей, торчащих по периметру ящика. Ничего! Только занозу в ладонь вогнула и ободрала до крови мизинец. Полизав палец, я задрала голову: а вдруг тайник наверху? Чем черт не шутит?

А черт не шутил! Если, конечно, это не заботливые птицы свили под козырьком гнездо! Да нет, птичьего гомона я не слышала, да и не похожа была грубая заплатка на работу пернатых.

Роста во мне без малого метр восемьдесят. В школе я из-за этого натерпелась: одноклассники дразнили меня дылдой, а тренер баскетбольной команды беспрестанно зазывал в секцию. На школьных дискотеках я во время медленных танцев вечно подпирала стенку, потому что пары для меня не находилось: мальчишки стеснялись пригласить девчонку, которая была выше аж на голову. К тому же я из ослиного упрямства упорно носила туфли на десятисантиметровых шпильках, чем только уменьшала свои шансы на симпатию у местных низкорослых кавалеров. В институте я забросила каблуки и перелезла в тапочки на плоской подошве. Эти балетки сыграли свою роль в том, что за мной стал ухаживать однокурсник, за которого я потом вышла замуж. Виталий был на два сантиметра меня выше, а поэтому даже на свадьбу я не могла позволить себе надеть модельные туфли. А толку-то? Брак рассыпался через несколько лет, оставив в моей душе разочарование в семейной жизни и обиду на мужчину, который принял

мне изменять чуть ли не сразу после медового месяца. В день развода я надела босоножки на вызывающе высоких каблуках. Правда, уже вечером забросила их в самый дальний угол.

Но теперь мой рост оказался кстати! Ведь если встать на перила, то можно без труда заглянуть в нишу между карнизом и «заплаткой». А в том, что ниша там есть, я была уверена!

Сбросив шлепки, я забралась на узкое металлическое балконное ограждение и осторожно выпрямилась. Карниз оказался прямо перед носом. Держась за него одной рукой, я другой потянулась к дыре между металлической крышей и выступом. Пальцы нащупали какой-то пакетик, обернутый в полиэтилен. Сопя от напряжения, я потянула сверток на себя. В душе я уже ликовала, но пакет вдруг застрял на полпути. И я, забыв про осторожность (все-таки гарцию на перилах балкона на пятом этаже!), дернула что есть силы неподдающийся клад и оступилась.

Говорят, в минуту смертельной опасности вся жизнь пролетает перед глазами. У меня же, кроме судорожного: «Ах!» и отчетливой уверенности в том, что я никогда не буду прыгать ни с тарзанки, ни с парашютом, никаких видений не было. Правда, почему-то подумалось: если я разобьюсь, то придется до приезда полиции и «Скорой помощи» лежать на обозрении всего честного народа в старых тренировочных штанах и несвежей футболке, заляпанной вареньем. Короче, никакого стиля! Вот стыд-то!

Размахивая руками и ногами, я полетела вниз, разрывая телом бельевые веревки соседней с четвертого, третьего и второго этажей, и, повторив трюк Яшки-моряка, оседлала куст акации. Филейную часть немилосердно саднило, жутко болели ноги, но я была жива! Спасибо, Господи! А правая рука по-прежнему крепко сжимала сверток размером с двухсотграммовую пачку печенья. Надо же, какая я алчная! Даже на пороге смерти не упустила свою добычу!

– Безобразие! – заголосила из окна четвертого этажа баба Лиза. – Опять веревкам каюк пришел! Яшка, сволочь, да когда ж ты образумишься!

И тут до старухи дошло, что Яшка-то давно умер! Она почти по грудь высунулась из окна на улицу, увидела меня, сидящую на акации, и закрестилась:

– Свят-свят! Ларка, ты же вроде не пьющая!

– Вызывай спасателей, баба Лиза, – просипела я, потеряв от ужаса голос.

Только сейчас до меня дошло: то, что я осталась жива, по меньшей мере – чудо!

Соседка закивала и скрылась. Я боялась пошевелиться, потому что ветки акации не только болезненно кололись, но и подозрительно подо мной потрескивали. И больше всего мне не хотелось, чтобы кто-нибудь из знакомых увидел меня в таком дурацком положении.

– Привет, – донесся снизу изумленный мужской голос.

Я осторожно повернула голову, чтобы посмотреть на окликнувшего меня человека, и пожалела, что я не невидимка. У подъезда стоял Максим и с интересом меня разглядывал. Еще бы, зрелище удивительное: взрослая тетка верхом на кустарнике. Комедия! Чаплин отдыхает!

Но леди должна оставаться леди в любой ситуации. Поэтому я растянула посиневшие от страха губы в любезной улыбке и даже помахала ручкой:

– Привет!

Баба Лиза выглянула в окно и крикнула:

– Держись, Ларка, спасатели близко! Шас тебя снимут! Чай, не впервой, наш адрес они хорошо запомнили!

Колесников посмотрел на меня с еще большим интересом.

Глава 9

Спасатели здорово удивились, увидев на акации трезвую девушку, а не постоянного клиента, который в хорошем подпитии любил вышагивать за перила балкона. Впрочем, парни очень ловко и аккуратно сняли меня с колючих веток и передали на руки фельдшеру «Скорой помощи».

Ехать в больницу я отказалась. Эскулап, удостоверившись, что жизни странной пациентки ничего не угрожает, обильно залил мой поцарапанный зад зеленкой и отпустил меня восвояси. Постанывая и еле передвигая ногами, я поплелась домой, проклиная строителей и архитекторов, не предусмотревших в пятиэтажках лифт. Колесников, надо сказать, по-рыцарски сопроводил меня до квартиры, обхватив за талию.

И тут постигло новое разочарование: дверь заперта, а ключи остались внутри! Я готова была разрыдаться, но бравый капитан подмигнул мне, вытащил из кармана связку каких-то металлических палочек и крючочков, вставил один из них в замочную скважину. И через мгновение распахнул дверь. Ну, прям заправский квартирный вор! Только я ничему не удивлялась – сил не хватило. Доползла до дивана и осторожно легла на живот.

– Ты... это... – сказал Колесников, старательно глядя в сторону. – Переделась бы.

– Зачем? – удивилась я и охнула, увидев свое отражение в зеркале, висевшем у дивана: тренировочные штаны и под ними тонкие плавочки от встречи с колючками акации изрядно пострадали, так что в прорехи явственно просвечивали зеленые ягодицы. Не женщина – павиан!

Взвизгнув от боли и смущения, я убежала в ванную, откуда появилась в банном халате до пят (это в тридцатиградусную жару!) и снова повалилась на диван.

Максим Андреевич хмыкнул, по-хозяйски расположился в кресле и заявил:

– Знаешь, я еще никогда не встречался с несостоявшейся самоубийцей. Что тебя потянуло свести счеты с жизнью? Такая молодая и красивая...

– Отстань, – огрызнулась я.

Мы сами не заметили, как перешли на «ты». Впрочем, Максима легко понять: трудно «выкатать» тетке, которая только что раскачивалась на ветках, как обезьяна, а потом разгуливала в драных штанах перед всем честным народом. А я...

Со мной запанибрата, а я реверансы делать должна? Ну уж, дудки!

– И все-таки, можно узнать, что случилось? – не унимался капитан.

Я вдруг осознала, что по-прежнему сжимаю таинственный сверток, обмотанный посеребрившим от пыли полиэтиленом. Из-за него я рисковала здоровьем! На глазах изумленного Колесникова я начала неистово раздирать пленку, а потом и оберточную бумагу, под которой прощупывалось что-то твердое. Похоже, металлическое. И не смогла сдержать разочарованного стога:

– А где портсигар?

Я уже мысленно определила ценностьклада – серебряный или золотой футляр для сигарет века девятнадцатого, не позднее, каким-то образом попавший Яшке. Но вместо элегантной старинной вещицы я стала обладательницей жестянки из-под чая. Правда, дорогого.

Откинув крышку, внутри металлической коробки я обнаружила записную книжку в потрепанном кожаном переплете. Все! Нет, ну кому нужны такие «сокровища»? Неужели из-за этого старого блокнота учинили обыск в моей квартире, испортили мебель, напугали кота? На кой сдался подобный раритет напавшему на меня носатому бандиту?!

Видимо, от негодования я возмущалась вслух, потому что мой гость перестал хихикать, посерьезнел и холодным деловым тоном поинтересовался:

– Кто на тебя напал? Когда?

Я очень хочу быть слабой и беззащитной. Хочу, чтобы мужчины занимались решением моих проблем, оберегали меня и лелеяли. Ведь я женщина, в конце концов! Мне надоело быть сильной и самостоятельной! Поэтому, скорбно поглядывая на жестянку из-под чая, я как на духу выложила Колесникову все, что знала. О Яшке-моряке и бабе Клаве. О Людмиле и южанине. Об аквариуме и золотой рыбке. О погроме в моем уютном гнездышке. Об утреннем визите Людмилиного кавалера. И, наконец, о героическом поступке Петровны и об ее кирпиче.

Максим слушал, не перебивая.

– Яша в бреду все говорил: «Не отдавай портг...» – жаловалась я, – подумалось: в тайнике портсигар. Золотой или серебряный. Старинный. А оказалось...

Максим в задумчивости перелистывал записную книжку моряка.

– А это кто? Ты случайно не знаешь? – спросил он, показывая маленький снимок, на котором улыбалась девочка лет пяти-шести. Очаровательная «кудряшка Сью» с кукольным носиком и круглыми карими глазами с длинными пушистыми ресницами.

– Понятия не имею, – удивилась я. – Откуда это?

– В блокноте нашел. Может быть, у твоего соседа была дочь? Или племянница?

– Впервые слышу, – покачала я головой. – Баба Клава все сокрушалась, что Яшка никак не мог жениться. Откуда быть детям? Разве что осчастливил какую-нибудь мадаму в далеком порту.

– Между прочим, фотография подписана, – сказал Колесников. – «Дорогому Яше от Вики Степановой. 1997 год».

– Ничего себе!

Я вырвала снимок и уставилась на надпись, сделанную непослушным детским почерком на обороте.

– Шестнадцать лет прошло!

И тут меня словно по лбу щелкнули:

– Вика! Виктория! Вот о ком говорил Яшка! Он сказал: «Придет Виктория...» Кто, если не она?

И я требовательно уставилась на капитана, словно рассчитывала, будто он тут же притащит мне эту самую Вику Степанову.

– И зачем она придет? За золотой рыбкой? Чушь! За блокнотом? Зачем ей эта макулатура?!

Максим меня не слушал. Он по-прежнему перелистывал пожелтевшие страницы записной книжки и о чем-то размышлял.

И тут меня осенила новая мысль, от которой я подпрыгнула, забыв о «боевом ранении»:

– Носатый! Он охотится на девочку!

– Опиши-ка мне его, – потребовал опер.

– Ну... – я закатила глаза. – Высокий, выше меня, худощавый, чернявый. Нос такой хороший у него, большой, с горбинкой. Глаза миндалевидной формы, черные. Губы тонкие. На подбородке щетина. Под правым глазом родимое пятно.

Максим вытаращился на меня, а я невинно предложила:

– Давай, нарисую? Я в художественной школе лучшим портретистом считалась.

Карандашный набросок носатого капитан унес с собой. И фотографию девочки. Обещая воспользоваться служебным положением и разузнать, где теперь эта Виктория находится.

Мне оставалось только ждать.

Глава 10

Вечером зашла Ольга Петровна. Вынула из любимой кожаной папки очередной «документ», исписанный мелким, совсем не старческим почерком на половину листа, и, протягивая мне, попросила:

– Слышь, Лара, подпиши-ка еще вот эту грамотку.

– Что, опять какую-нибудь стройку затеваете? – зевая, поинтересовалась я.

Старуха зарделась:

– Да нет, хочу про нашего мецената в газету написать. Пусть напечатают. А что? Благотетели любят, когда их принародно благодарят. Вот я и подумала: может, в другой раз удастся не только на детскую площадку денег выпросить. Черкни уж свою фамилию, что тебе стоит?

Я черкнула. В конце концов, Петровна не для себя старается. Для жителей всего двора.

Соседка старательно изучила мою подпись, поставленную под десятком других автографов, аккуратно убрала цидулку в знаменитую папку, зачем-то огляделась по сторонам, хотя кроме нас двоих в прихожей никого не было, и пропела заговорщицки:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.